

«Выходить из тьмы — больно для глаз, но нет варианта не выйти из тьмы»

После этапа в колонию политзаключенный Дмитрий Иванов почти сразу оказался в ШИЗО. Он прислал нам письмо и ответил на вопросы «Новой»

Автор телеграм-канала «Протестный МГУ» Дмитрий Иванов во время вынесения приговора в Тимирязевском районном суде, 7 марта 2023 г. Фото: Андрей Любимов / РБК / ТАСС

09:29, 10 апреля 2024,

Андрей Карев

корреспондент судебного отдела

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Год назад Тимирязевский суд Москвы приговорил автора телеграм-канала «Протестный МГУ» Дмитрия Иванова к 8,5 года колонии за антивоенные посты, которые следствие посчитало «фейками» о российской армии. Доказательствами обвинения стали показания свидетелей, не знакомых с подсудимым, лингвистическая экспертиза, выявившая у Иванова мотив «политической ненависти», и официальная позиция Минобороны РФ. При этом представитель ведомства Игорь Конашенков проигнорировал судебную повестку и не явился на допрос.

Иванов не признал вину на следствии и в суде. Он остался верен себе и не изменил своей позиции по сей день. Как пишет сам Дима, его антивоенную позицию многие бывшие сокамерники не поддержали и даже спорили с ним, но решимость платить свободой за свои слова и убеждения большинством воспринимается с уважением.

Изначально отбывать наказание активиста отправляли в Чувашию, но потом вернули в Москву для участия в заседании по рассмотрению апелляционной жалобы на приговор. Мосгорсуд по традиции «проштмаповал» решение и оставил все без изменений. В марте Иванова этапировали в тамбовскую колонию, где по прибытии он почти сразу же оказался в ШИЗО. Чем он все это время был занят в московском СИЗО, как пережил три этапа и в каких условиях сейчас находится в колонии, Дима нам рассказал в письме.

Иванов Дмитрий Александрович, 1999 г.р.

ФКУ ИК-3 УФСИН России по Тамбовской области

— Увы, «писем со шконки» сегодня не будет, потому что шконок в камере штрафного изолятора, где я сейчас отдыхаю, нет. Но ответить на вопросы, мне это не помешает.

Этап, которого я ждал уже довольно давно, случился, как всегда, неожиданно (эти этапы всегда внезапны, даже когда их ждешь), но прошел на удивление легко и быстро. Утром 12 марта я выехал из московского СИЗО-5 «Водник», а ночью с 12-го на 13-е уже был на транзитно-пересыльном пункте в Тамбове, откуда через сутки меня привезли в колонию. Поскольку для меня это уже третий этап (прошлым летом я ездил в Чувашию, а осенью возвращался в Москву), мне есть с чем сравнить.

На этот раз не было ни пересадок в других регионах, ни переполненных вагонов, ни пятичасовой поездки в автозаке — доехал, можно сказать, с комфортом.

Самое сложное — это, конечно, неопределенность: до конца пути тебе неизвестно, куда едешь, так что на всем маршруте следования арестанты заняты поиском подсказок и догадками, а заодно — обменом байками, слухами и сплетнями.

Южное направление, которое выпало мне, считается неплохим: едем на юг, значит, едем отдыхать; самые печально известные учреждения расположены в других регионах — это знание чуть снижало волнение в дороге.

В СИЗО я провел без малого два года, сменив с десятков изоляторов и вдвое больше камер. От места к месту условия отличались довольно сильно, но так или иначе везде я старался больше читать и писать, общаться с интересными людьми, изучать тонкости местной культуры и быта, по возможности не терять времени даром.

Дольше всего я пробыл в Москве на «Воднике». Там хорошие

условия: относительно свежий ремонт, холодильники и телевизоры почти во всех камерах, неплохая библиотека и довольно лояльные сотрудники. Около 10 месяцев я пробыл на спецблоках, где содержатся в основном обвиняемые по экономическим статьям, фигуранты громких и резонансных дел. Там мне представилась возможность пообщаться с бывшими крупными бизнесменами и высокопоставленными чиновниками, банкирами и генералами — кого только ни встретишь в тюрьме.

Еще около года пришлось на общие камеры, где сидят люди, может быть, не такие статусные, но тоже по-своему интересные и научившие меня всем тонкостям тюремной жизни. Несмотря на частные расхождения во взглядах, разный жизненный опыт и разные ценности, у меня почти всегда удается находить общий язык и с сотрудниками, и с другими заключенными, и избегать конфликтов. Впрочем, инциденты с сотрудниками все же случались, а вот с арестантами отношения всегда были ровные.

Конечно, у всех вызывает живой интерес моя статья, так что практически любое новое знакомство оборачивается политической дискуссией, и хотя не все согласны с моей позицией,

сама готовность платить столь высокую цену за свои слова и убеждения большинством воспринимается с уважением.

В особенности это заметно здесь — в колонии, поскольку в СИЗО многие обвиняемые по особо тяжким статьям сидят уже по 6–7 лет, и впереди еще остается двухзначный срок — таких сложно чем-то удивить; здесь же у меня чуть ли не самый большой срок

среди всех осужденных (с более тяжкими статьями сидят на строгом режиме).

Про саму тамбовскую колонию мне довольно сложно что-то рассказать: я приехал сюда три недели назад и все время сижу в ШИЗО. После двух лет камерного содержания еще несколько недель не пугают и погоды не делают, но это обстоятельство пока не дает мне возможности оценить саму колонию — увидеть бараки, столовую, библиотеку, промзону и т.д. Надеюсь, в ближайшее время у меня будет такая возможность: на этой неделе я должен «освободиться» из тюрьмы поменьше в тюрьму попросторнее, как бы это ни было метафорично.

Условия здесь, к сожалению или к счастью, уже вполне привычные — из несбыточного разве что откидные нары, которые я поднимаю и закрепляю на стене после подъема и сдаю на день постельные принадлежности. Камера четырехместная, а отсутствие стационарных шконок делает ее довольно просторной; сижу я один, так что большую часть дня читаю.

Попал я сюда вполне законно — за отказ выполнять работу дневального в порядке ст. 106 УИК («Привлечение осужденных к лишению свободы к работам без оплаты труда»):

с точки зрения арестантских традиций это считается неблагородным занятием, а администрация специально предлагает его всем вновь прибывшим, так что через изолятор проходит, наверное, больше половины заключенных — такой себе обряд инициации, существующий во многих колониях.

Настрой я по-прежнему сохраняю уверенный и смотрю в будущее с умеренным оптимизмом. Конечно, для меня была большим ударом смерть Алексея Навального — для каждого из нас он был символом надежды, а для каждого политзаключенного — еще и примером стойкости, мужества и верности своим убеждениям. «Пока держится он, — рассуждал я, — мне вообще грех жаловаться». А он держался до конца и завещал нам не сдаваться.

Весь текущий новостной фон как будто не сулит нам ничего хорошего. Темная полоса затянулась, но важно помнить, что за ней неизбежно наступает светлая. «Выходить из тьмы — это больно для глаз, но нет варианта не выйти из тьмы».

Сохранять бодрость духа мне помогает поддержка родных, друзей и единомышленников, которые спустя два года продолжают писать мне столько, что я едва успеваю отвечать: это и старые знакомые, коллеги, однокурсники и одноклассники; это огромное сообщество выпускников МГУ, разбросанных волею судеб по всему миру; это правозащитники, волонтеры и журналисты; это просто неравнодушные люди; это моя любимая мама, стойко переносящая все испытания, и мои близкие друзья, без которых я не был бы тем, кто я есть.

Хочу искренне поблагодарить всех, кто поддерживает политзаключенных, и сказать: мы держимся — держитесь и вы. Все еще будет!

07.07.2024. Тамбовская область, п. Зеленый

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Я много путешествовал: 6 СИЗО и полтора десятка камер»](#)

Письмо в редакцию Дмитрия Иванова, автора «Протестного МГУ». Осужден на 8,5 лет

19:35, 21 марта 2023, Зоя Светова

[«Этот стук в дверь ни с чем не спутаешь»](#)

Елена Стромская, мама 23-летнего математика Дмитрия Иванова, осужденного на 8,5 года по делу о «фейках»

15:51, 23 марта 2023, Вера Челищева, Зоя Светова

[«Оказалось, любовь крепче стен, долговечнее слов»](#)

Петербургский поэт Вячеслав Малахов из СИЗО на наше письмо ответил в стихах

13:42, 9 апреля 2024, Андрей Карев

[«Я поняла, что «ничего не жду и готова ко всему»](#)

Журналистка Алсу Курмашева находится в заключении за то, что сама себя не объявила «иноагентом». Она ответила на вопросы «Новой» из СИЗО и прислала нам стихотворение

15:25, 7 марта 2024, Андрей Карев